

* * *

Седовласые ивы шумят
На Конечной седьмого трамвая.
Где-то между двумя и тремя
Здесь забвения не бывает.
Век родимый истаял вконец,
Износился до дыр — и на свалку.
Делу — время, ему же — венец,
Почему же ни шатко, ни валко
Птичка-память по веткам снует,
И безбрежны рассвета разливы,
И глазастая юность поет —
Все про вечно-зеленые ивы...

* * *

Что ты прячешь в ведре земляники,
Продавец лугового добра?
Ты не ягоды ищешь — улики
Погребенного в землю вчера.

По ковыльным холмам разметало
Ту добычу — сладка и красна.
Но откуда-то привкус металла
И гремучая тишина.

* * *

Плетка сегодняшнего ветерка
Хоть коротка, но жестка, жестка...
Взял меня, мелкую, с потолка —
Вот я и высока.

Хочешь признания во весь рот?
Как ни крути, я — всегда урод:
Если река — непременно вброд,
Если шоссе — поворот.

Так и приплыли, сползли, пришли
К судному дню в вековой пыли.
И ни к чему сидеть у реки,
Если поломаны поплавки.

* * *

На пальцах объясни, коль словом не владеешь,
Откуда этот страх найти и потерять?..
Томлюсь в тисках любви которую неделю,
Который век прошу в душе не ковырять.

Не превращаясь в слух, не уяснив науку,
Ты на своем стоишь верней, чем на земле:
Кормить меня хурмой, держать меня за руку,
Идти со мной в театр в ближайшем феврале.

Старательно куешь пудовые оковы,
Ругаешь стрекозой...
Какая стрекоза!
Конкретный тормоз я на ветви тупиковой:
Не вижу, чем помочь, не знаю, что сказать...

* * *

Хочу во всем принимать участие,
Хочу всегда становиться лучшей...
Ах, мама, это твое несчастье,
Твое гнилое благополучье.
Дочурка — жечь, из огня да в полымя,
Под упоительный вой прелюдий...
К вискам бы руки, да очи долу,
Но я, известно, — не то, что люди.

* * *

В дачной ночи, словно в кривом зеркале,
Страхи вытягиваются и удлиняются.
Тьма своими бесстыжими зенками
Всматривается в меня и в лице меняется.

Кошка Кристи мирно кемарит в спальне,
Небо веско молчит, а Земля вращается.
Я все меньше и меньше. Я такая маленькая,
Что душа в этом теле не помещается.

* * *

На исходе апреля болеет страна —
Угорает от слов, застает времена,
Где скупое течение нескрытой реки
Поперек, навсегда и всему вопреки.
Это гонит в засаду свобода твоя,
Это соком подкожным струит благодать
В невозвратную осень, где верила я:
Взять — куда бесполезней, чем взять да отдать...
Упреждая поминок своих торжество,
К горлу тянется хваткой трехсуточный май.
Так кляни меня походя, ради всего —
Обличай, обвиняй, окружай, обнимай...

* * *

Проза жизни с поэзией чувства
Сочетаются плохо и странно.
Потому на письме и изустно
Изъясняюсь темно и пространно.

И текут непридуманным руслом
Эти дни в очумевшей Отчизне —
Так и не изменившие чувству,
Так и не совместимые с жизнью.

* * *

Гиблая доза попутного ветра,
Черный надрыв проводов.
Жадная пасть обложного кювета
Весей и городов.
Дыбится дождь на асфальтовой коже
В свете неоновых фар.
Сколько ни бейся — никто не поможет
Переварить этот дар.

* * *

Эк, смотри, тебя колбасит по ночам!
Впрочем, странного тут мало, как ни жаль.
Хочешь, весело таскайся по врачам,
Хочешь, рифмами усеивай скрижаль.

Не помогут ни пилюля, ни талант,
Только этот час рождения стиха,
Где рассвет встает на краешек стола
Под ликующие вопли петуха.

Ну и будь собою, смейся, печалься, властвуй
Над отарами буковок. До глубины неба
Время простерлось. Возраст такой опасный
Или в груди разрослась песня, вина, треба?

Кто этих пряток-салочек хитрый мастер?
Нервов клубок, спутанные геномы...
Ох и темна лошадка неопознанной масти —
Все-то барьеры, пропасти, загнанность, переломы.

Мультиком старым тешишься, в книжке ветхой
Лучшего видишь друга. А вся причина —
Себе остаешься чем дальше, тем больше верной.
Эта болезнь в отечестве неизлечима.